

СИН **A** ИКАТ
ЛИКВИ **A** АТОРОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕВГЕНИЙ БАЗАРОВ

18+

Синдикат ликвидаторов

Евгений Базаров

Синдикат ликвидаторов

«Автор»

2022

Базаров Е.

Синдикат ликвидаторов / Е. Базаров — «Автор»,
2022 — (Синдикат ликвидаторов)

В далёком Сибирском посёлке, происходят странные и даже таинственные события. На глухой лесной тропинке, случайно обнаружен труп неизвестного мужчины у которого при себе, оказалось пять миллионов долларов. Простой рабочий консервного завода, первым обнаруживший труп, решает присвоить эти деньги и тайно покинуть посёлок, не подозревая о том, какие события за этим последуют. И как круто они изменят его жизнь. ---Роман не для неженков. События происходят в 90е годы, без интернета, сотовых телефонов с полным погружением в то время. Все герои действуют исходя из времени, обстановки в стране и того людского ресурса что был доступен тогда. Это было удивительное время. Развалилось одно государство и начало строиться новое на костях прежнего, не жалея денег и людей. Идеальное время чтобы захватить мир.---*Иллюстрации для создания обложки были сгенерированы с помощью нейросети Midjourney

© Базаров Е., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Базаров

Синдикат ликвидаторов

Глава 1

Конец октября 1993 года посёлок Кыргыз

«Угораздило же этого синяка в кусты полезть именно сегодня, в мое дежурство», – сокрушался оперуполномоченный уголовного розыска посёлка городского типа Кыргыз, капитан Николай Константинович Волков.

«Погода еще какая паршивая, то дождь, то мокрый снег, – капитан тоскливо посмотрел в окно, по которому катились дождевые струйки, – и на машине туда никак не подъехать, придётся теперь под дождем пешком шлепать. Выходной ведь, воскресенье. Нормальные люди дома сидят, а этому, – покосился Волков на съевшегося в углу кабинета Мишку Зворыкина, – всё ни как неймется.»

– Так где, ты говоришь, его нашёл? – ещё раз спросил капитан Мишку, питая слабую надежду на то, что всё это Мишке показалась из-за острого синдрома неопохмелизма. – Может, тебе показалось?

– Да ничего мне не показалось, начальник, – простонал Мишка, – там он, в кустах, в двух шагах от тропы и лежит. Утром же солнце светило, так от его часов на руке солнечный зайчик мне прямо в глаз и засветил. Ну, я в кусты и полез. Думаю, что это там такое светится? А там он, полускелет, в шубе, в унтах, в шапке. Я как рванул оттуда и пузырь там где-то потерял, – жалобно пожаловался Мишка на дорогую его сердцу потерю. – Ну пойдём уже, а, начальник. Мочи ж нет уже терпеть. Сдохну же я прямо у тебя в кабинете. Ну или плесни хоть чего-нибудь.

– Да не уведёт твою бутылку никто, – проворчал капитан. – Ну вот кто ещё, кроме тебя, дурака, сейчас в лес попрется?

– Ну мало ли кто? Я же пошёл, – заныл Мишка. – Значит, может и ещё кто-то пойти.

– А ты то зачем в лес пошёл? – спросил капитан поглядывая в окно.

– Да медь я пошёл сдавать в город, – замахал рукой Мишка. – Денег у меня на маршрутку не было, вот пошёл через лес по тропе. Туда шёл, ничего с похмелью не видел, все в глазах моросило, а когда медь сдал, купил поллитровку и чутка глотнул, сразу полегчало, зрение в норму пришло, вот на обратном пути и наткнулся на этого трупика. Знал бы, что ты меня так мурьжить будешь, ушёл бы себе домой спокойно и горя не ведал. Ну пошли уже, начальник.

Капитан вздохнул, открыл шкаф, натянул болотные сапоги, накинул прорезиненный плащ и покосился на Мишку, одетого в летнюю, изрядно поношенную куртку. Вздохнул и достал из шкафа ещё один плащ и сапоги.

– Одевайся, а то погублю свидетеля, с меня завтра три шкуры снимут, – сунул Мишке шмотьё опер.

Мишка быстро оделся и, скинув дырявые кроссовки, сунул ноги в сапоги огромного размера. Сапоги на ногах Мишки, кажется, жили своей отдельной жизнью. Но Мишка на такую мелочь внимания не обратил и рванул в дверь, у которой его уже ожидал капитан Волков.

Водитель высадил Волкова и Мишку у остановки, сразу за которой и начиналась злополучная тропинка. По ней то и можно было часа за полтора дойти до посёлка, принадлежавшего бывшему консервному заводу. Судя по тому, как она заросла, после того, как завод загнулся, по ней уже никто не ходил.

Волков посмотрел на небо ,затянутое свинцовыми, висевшими прямо над макушками сосен тучами, из которых моросил холодный осенний дождь, и пошлепал по тропе вслед за уже скрывающимся за кустами Мишкой.

Примерно минут через сорок, когда капитан насквозь промок не столько от дождя, сколько от мокрой, почти по пояс, травы, Мишка остановился и, как собака ищейка, завертелся на месте. Немного покружив на тропе, Мишка полез прямо в залитые дождем кусты, из которых через минуту раздался его радостный крик.

– Нашёл! Начальник, я её нашёл! – с видом победителя держал Мишка в руке потерянную им поллитровку. – И этот тоже тут. Вот он, голубчик, в кустах лежит. Я же говорил, что это не глюк! А то когда ты меня доколупывал, я уже и сам засомневался.

Мишка открыл бутылку и, отпив добрую половину, протянул остатки Волкову.

– Глотни, начальник. Это первач, что Люська на Фабричке продаёт, не султыга какая-нибудь. А то и заболеть от такой погоды в раз можно, – настроение у Мишки заметно поднялось.

Волков, немного поколебавшись, взял бутылку и, выдохнув, выпил пару глотков. Остаток протянул Мишке.

– Всё, дальше сам. У меня с непривычки чуть глаза на лоб не вылезли.

– А то, – самодовольно ухмыльнулся Мишка, демонстративно смакуя, не торопясь, допил остатки самогона и выбросил пустую бутылку в кусты.

Волков передернулся и полез осматривать Мишкину находку.

Полуистлевший труп в зимней одежде, как и говорил Мишка, лежал не на земле, а навалившись на густой кустарник, и было сразу понятно, что бросили его сюда относительно недавно. И бросили именно с тропы, иначе было просто неоткуда его сюда закинуть.

Волков вылез из кустов и, отогнав Мишку, стал тщательно исследовать место, где на тропе лежал труп, до того, как кто-то скинул его в кусты. Место это было приметное. Труп лежал на тропе с зимы. Все лето и до самой осени, трава под ним не росла, оставив на этом месте хорошо заметный с остатками биоматериала и истлевшей ткани, почерневший пролежень.

Волков снова полез в заросли и осмотрел труп более внимательно. На его меховой куртке остались чёткие отпечатки от лямок рюкзака. Капитан ещё целый час лазил по траве вокруг тропинки, но рюкзака так и не нашёл.

– Да ты не стой тут и не мокни, – посмотрел капитан на скрючившегося и трясущегося от холода Мишку. – Иди или домой, или в отдел и сиди там. Я тебя сам найду, когда тут закончу.

«Странно. Рюкзак точно был на покойнике с момента его смерти и до того времени, когда его бросили здесь. Кто-то наткнулся на труп, снял с него рюкзак, труп бросил в кусты, а рюкзак забрал? Вонючий, насквозь пропитавшийся трупным запахом, полуистлевший рюкзак кому-то понадобился? Разве что, если в рюкзаке было что-то такое, ради чего стоило прятать труп в траве, а рюкзак унести с собой. И сделал это не убийца, потому что убийца забрал бы рюкзак с ценным грузом сразу. Из этого следует, что труп может быть и не криминальный. Мало ли, замёрз мужик по пьяни. И немудрено. Зимой в лесу снега местами по пояс, а он решил срезать и не рассчитал силы. Скорее всего, это должен быть кто-то из местных. Хотя, – задумался капитан, – судя по его явно не дешевым часам, которые никто из жителей посёлка себе позволить не мог, мог быть и залетным».

Капитан вышел из леса на остановку, где его ожидала милицейская машина, и обнаружил на заднем сиденье спящего Мишку.

– Вызывай группу, – приказал он водителю, – у нас труп.

Группу капитан дождался, сидя в тёплой машине, и когда она прибыла, он с явной неохотой выбрался под дождь и, нахохлившись, объяснил группе ситуацию.

После осмотра трупа и тропинки экспертом, привезённые суточники загрузили его на носилки и потащили на трассу к грузовой машине, чтобы отвезти тело в морг.

– Ну, сказать, кроме того, что и так всем ясно, мне пока нечего, – заявил эксперт. – Труп пролежал на тропе либо с глубокой осени, когда уже ударили морозы, либо замёрз этот мужик зимой, а может и ранней весной. Вот проведу вскрытие, экспертизу, тогда скажу точнее.

Закончив утром дежурство, Волков зашёл на доклад к начальнику уголовного розыска подполковнику Батурину и получил указание в духе: «Сам нашёл, сам провёл предварительный осмотр места происшествия, тебе и карты в руки. Бери, Коля, дело и занимайся, и сроку тебе на всё про всё три дня».

– А чего? – удивился Батурин на возражения Волкова насчёт сроков. – Тут же ясно всё. Замёрз по пьяни кто-то из местных. Вот ты и метнись в "Консервы" и выясни, кого это мы потеряли этой зимой. А как выяснишь, можешь это дело следаку передать, что б закрыл.

На следующий после дежурства день, капитан Волков, как и было приказано, решил посетить "Консервы", как местный контингент ласково и точно в бровь, называл свой родной заводской посёлок. Кроме пенсионеров, забулдыг и нескольких работающих в городе бедолаг, которым некуда было податься, никого уже не осталось. Но жила в этом посёлке одна замечательная старушка, которую все жители уважали и старались водить с ней дружбу. Старушка эта варила чистейший самогон, который можно было приобрести за деньги, за нужный в хозяйстве бабы Зины товар или, если ты пенсионер, под запись. С бабой Зиной так или иначе, общались все до единого жителя посёлка, и она была кладёзь полезной для опера Волкова информации. Вот к ней то капитан Волков и отправился в первую очередь. И причём, опять же не на маршрутке, а пешком, по тропе через лес.

«Мало ли, – подумал Волков, – может ещё чего-нибудь обнаружу».

Через полтора часа, так ничего интересного больше не найдя, капитан Волков вышел к металлическим, прижавшимся к лесу заброшенным гаражам с обрушившимися погребамы внутри. Как раз за этими гаражами, на самом краю посёлка, стоял двухэтажный, изрядно покосившейся от времени, двух подъездный деревянный барак, в одной из квартир которого и проживала самогонщица баба Зина.

Волков по скрипучей лестнице поднялся на второй этаж и постучал в обитую потрепанным дерматином дверь.

– Входи, мент, коли уж приперся, чего топчешься в дверях, – раздался скрипучий прокуренный голос бабы Зины. – Я, чай, не слепая ещё, видала, как ты из леса, словно волчище, крался.

– Здорово, баба Зина, – поздоровался Волков и выложил на застеленный опрятной скатертью стол большую плитку шоколада. – Не померла ещё?

– Не дождёшься. Тебя ещё переживу, – огрызнулась старуха, пряча шоколадку в ящик комода. – Ты, Колька, ведь знаешь, зараза, чем бабу Зину ублажить. Люблю шоколад сызмальства, а ты и пользуешься, гад, – беззлобно бранилась старуха.

Бабе Зине было уже давно за девяносто, но у неё как-то сохранились отменный слух, молодое зрение и все до единого зубы. Помотала её жизнь в молодости, по пятьдесят восьмой десятку от звонка до звонка на Колыме отмотала, а не озлобилась на людей, и за это Волков бабу Зину шибко уважал. Уж кто-кто, а он то знал, как могут люди озлобиться, и за реальную вину, срок положенный отсидев.

– Спрашивай, чего надо, Колька, а я пока самовар поставлю. Ко мне ведь мало кто из нормальных людей заходит. Да почитай, как завод закрылся, так и нет уже тут никого, одни забулдыги. Да и как не пить-то, коли жизнь под откос пошла? – сокрушалась старуха над людской бедой, наливая в фарфоровые пиалки ароматный чай.

– Да я по человеку тому, что Мишка в лесу нашёл. Может, знаешь чего? – спросил Волков, отхлебывая из пиалки чай и закусывая его кусковым сахаром с сушками.

– А чего тут знать-то? Не наш это человек, не заводской. Да и не со склада.

Волков знал, что завод продали какому-то ушлому коммерсанту, который все оборудование сдал на металл, а заводские цеха приспособил под склады. Да только и у него дело не заладилось, и стоят сейчас эти склады пустые. Но пара сторожей из местных, на всякий случай, все же имеется.

– А не случилось ли в последнее время в посёлке чего-либо необычного? Может, кто-то тебе вещи явно не свои приносил? – поинтересовался капитан.

– Вещи мне только Мишка таскает, – усмехнулась старуха. – Так я знаю, чьи это вещи. Соседа моего, что напротив меня дверь в дверь жил.

– А почему жил? – удивился Волков. – Это ж Сергея Матвеева квартира, наладчика с бывшего консервного?

– Его родимого, его квартирка была. Да только он свою квартиру со всей мебелью на Мишкину лодку обменял. А сам сел в лодочку ту, сердешный, да и уплыл, куда глаза глядят.

– Как это? – удивился Волков такому необычному известию.

– Он ведь как завод то закрыли, в город на заработки подался. Работал там где-то на стройке, работал. Он ведь мужик то не пьющий, работающий, хоть и бобыль. Ну так, работал он, значит, а денег ему так и не заплатили. Он и уволился, а расчёт не получил. Обещали недавно всё выплатить. Поехал Серега в контору, а ему отказали. Пришёл он с конторы поздно вечером, видимо, пешком, через лес шёл, потому как маршрутка то последняя пустая пришла. Мне из окна всё видать. Денег у него, бедного, наверное, на маршрутку не было. Обиделся Серега шибко. Всю ночь по квартире ходил, шарaborился. У нас стены то дырявые, и мне слышно всё. Всю ноченьку не уснул, свет не гасил. А утром зашёл ко мне, на последнюю мелочишку купил пол-литра самогонки и к Мишке пошёл.

Так, мол, и так, друг мой Михаил, выручай, говорит, кореша своего, давай меняться. Я тебе хату мою со всей мебелью, что там стоит, а ты мне лодочку свою старенькую без мотора. И поеду я, говорит, в деревню Карагач к невесте своей век доживать да горе мыкать.

А я ведь и удивилась, когда мне Мишка про невесту-то рассказал. Сорок годков Серегето, а всё не женился, а сейчас вдруг надумал. Ну да Бог с ним, может, ещё и поживет по-человечески. С хозяйством, да с бабенкой, глядишь, ещё и деток заделает, – прослезилась бабка Зина.

Волков допил чай и, попрощавшись с бабой Зиной, побрел на остановку. Эта остановка была конечной, и дорога здесь тоже упиралась в закрытые ворота бывшего консервного завода, и здесь же и заканчивалась. Дальше этого посёлка пути не было.

Волков дождался маршрутку и, сев на переднее сидение, задал водителю вопрос.

– Кто из водителей выполнял последние рейсы в последние две недели?

– Так я и ездил, – ответил водитель. – У меня напарник всегда в первую смену работает, а я, стало быть, во вторую, а кроме нас двоих сюда больше ни кто и не ездит.

– Много пассажиров на последних рейсах до конечной едут?

– Не, немного. Один, когда два человека. Они одни и те же, я их всех знаю, они в городе работают.

– А Сергей Матвеев когда на последний рейс садился?

– Так мой напарник говорил, что Серега в среду за деньгами в контору в обед уехал, а вечером у меня машина забарахлила, и я задержался, а когда поехал, вообще никого не было. Стало быть, и Сереги тоже.

Волков доехал на маршрутке до отдела и узнал результаты экспертизы по найденному в лесу труп.

– Да нормально всё, – сказал в трубку эксперт. – В смысле, не криминальный это труп. Больной был твой покойник, рак легких в последней стадии. У него повсюду метастазы, вот и умер в дороге своей смертью. Я следаку заключение уже выслал. Там все сам увидишь.

Когда Волков зашёл к следователю, тот уже подшивал дело в архив.

– Всё, капитан. Закрыв я это дело. Ну, если найдёшь кто это был, я подошью. Несчастный случай и никакого криминала.

– А можно мне заключение посмотреть? – попросил Волков.

– На, смотри, – сунул следок папку Волкову, – только не забудь занести потом, а то знаю я вас.

Волков внимательно прочитал заключение эксперта, акцентируя внимание на особые приметы покойного. Стоматологическая карта имеется. Давний перелом берцовой кости и правой лодыжки. Рак легких в последней стадии.

Волков вернул следователю папку и сделал запрос на всех потеряшек за последние полгода.

По базе выяснилось, что да, люди, конечно, полгода назад пропадали, но не в Кыргызте, а очень далеко отсюда. И только один из пропавших действительно имел подобный диагноз. Только жил он уж очень далеко от их забытого Богом посёлка.

Черепанов Артем Матвеевич, родился в 1959 году и жил в городе Армавире. Владелец крупной торговой компании, занимающейся продажей компьютеров. Правда, примерно полгода тому назад он выехал на лечение в частную клинику гипотермии, которая находится в городе Искитим, что под Новосибирском. Это, конечно, уже ближе к Кыргызту, чем Армавир, но не настолько, чтобы бродить здесь без дела зимой по заснеженной лесной тропинке.

Однако, для очистки совести, Волков связался с Армавиром и попросил местных оперов узнать, есть ли у Черепанова родственники, которые могут ему позвонить?

Дождь прекратился ещё ночью, но зато резко похолодало, и вот-вот мог пойти снег.

Через полчаса ему перезвонили из Армавира и сообщили номер телефона жены Черепанова, которая и подавала заявление на розыск пропавшего в Новосибирске мужа.

– Алло. Могу я поговорить с Верой Даниловной Черепановой? – спросил Волков, когда на том конце провода взяли трубку.

– Да это я, – ответил приятный женский голос. – А кто это?

– Оперуполномоченный капитан Волков с вами говорит, Вера Даниловна, из посёлка Кыргызт. Скажите, у вашего мужа не было когда-либо переломов берцовой кости и правой лодыжки?

– Да, он ещё в молодости на мотоцикле упал. А что случилось, вы его нашли? – закричала в трубку Вера Даниловна.

– Скажите, а какой марки часы были у вашего мужа? – спросил Волков, не обращая внимание на её крик.

– Я точно не знаю, какие именно часы мой муж носил, когда поехал в Новосибирск. Но часы очень дорогие. Да скажете вы мне, наконец, нашли вы моего мужа или нет?

– Мы нашли труп мужчины с похожими приметами, но совсем не факт, что это именно ваш муж, – стал успокаивать женщину Волков.

– Не нужно меня успокаивать, – перебила его Вера Даниловна. – Вы скажите, где находитесь, я к вам завтра приеду.

– Завтра вряд ли, – усмехнулся капитан, – до нас от вас примерно семь тысяч километров.

– Это не ваша забота, капитан, как я доберусь до вашего посёлка. Говорите адрес.

На следующий день у отдела остановилось такси, и из него вышла элегантно одетая женщина.

– Мне нужен капитан Волков, – обратилась она к дежурившему на входе лейтенанту.

Лейтенант не поленился и лично проводил женщину до кабинета капитана.

– Здравствуйте, капитан, – поздоровалась женщина, – меня зовут Вера Даниловна Черепанова, мы вчера разговаривали по телефону. Это вы нашли тело моего мужа? Его убили?

– Здравствуйте, Вера Даниловна, – ответил обалдевший Волков, – признаться, не ожидал. Труп обнаружил местный житель, но, может быть, это не ваш муж, и опознать его, я думаю, будет невозможно. Тем более, мы так и не выяснили, каким образом ваш муж мог оказаться вместо Новосибирска за три тысячи километров от него, в глухом, забытом Богом посёлке, да ещё в занесённом снегом лесу?

– У найденного человека была какая-нибудь сумка или что-то вроде того? – спросила Вера Даниловна.

– По-видимому, у него был рюкзак. На куртке остались характерные следы от лямок, но самого рюкзака при нем, увы, уже не было. Видимо, его забрал кто-то из местных жителей.

– Дело в том, что в марте муж снял в одном из Новосибирских банков крупную сумму наличными. В долларах.

– И сколько при нем могло быть денег? – поинтересовался Волков.

– Вот выписка из банка, – протянула она выписку.

– Сколько? – не поверил своим глазам капитан.

– Вы все верно прочитали. Пять миллионов долларов, – усмехнулась Вера Даниловна, – но дело не в деньгах. Я просто хочу знать, что мой муж делал в вашем посёлке. У него была женщина?

– Чудны дела твои, Господи, – произнёс Волков. – Теперь понятно, почему кому-то понадобился его рюкзак.

– Что вы сказали? – не поняла женщина.

– Я сказал, что кто-то нашёл труп раньше и забрал рюкзак, – ответил Волков. – И если это ваш муж лежал в лесу, то мне теперь понятно, почему кто-то забрал его рюкзак. А насчёт женщины не беспокойтесь. Там, куда ваш муж направлялся и не дошёл, с женщинами туго.

Глава 2

Вера Даниловна покопалась в сумке и извлекла из неё пачку стодолларовых купюр.

– Здесь сто тысяч. Это аванс. Найдёте причину, по которой мой муж здесь оказался, получите ещё столько же. Да, и деньги, те, которые были в рюкзаке, можете оставить себе.

– Уберите деньги, Вера Даниловна, – нахмурился Волков.

– Не дурийте, капитан. Не возьмёте вы, возьмут другие. Это не взятка. Это плата за личную просьбу, которую, если хотите, вы можете выполнить во внеслужебное время. Ну так как?

– Я согласен сделать всё, что в моих силах, – ответил Волков, пряча деньги в ящик стола.

Когда Черепанова покинула кабинет и уехала на ожидающем её такси, Волков отправился к своему другу детства, начальнику оперотдела подполковнику Батурину, и рассказал ему всё о разговоре с Верой Даниловной и о её личной просьбе.

– Ты же понимаешь, Витя, что одному мне этот кусок не проглотить, мне нужен напарник.

– Да, Колян, ну и дела. Официально дать этому делу ход мы не сможем. Его сразу же перехватит кто-нибудь из областных оперов. Дело следак по-любому закроет.

– Ну и пусть закрывает, – махнул рукой Волков. – Всё, Витя, приехали. Дальше мы можем работать по этому делу исключительно в частном порядке. Нам бы в отпуск свалить на месяц-два. Сможешь организовать?

– Ух ты! В отпуск он захотел. Да кто ж нас сразу двоих отпустит? – возразил Батурин.

– А не надо двоих, – ответил Волков. – один из нас по-любому должен на службе находиться. Запросы делать и все такое. Мало ли что потребуется?

– И кто ж из нас двоих тут останется? – усмехнулся Батурин. – Давай спички тянуть. Если ты здесь остаёшься, то на моем месте, так проще будет.

Жребий остаться на рабочем месте выпал подполковнику Батурину.

– Пиши заявление на отпуск, счастливчик, – положил на стол лист бумаги Батурин, – я подпишу. Но нужно ещё начальника горотдела уломать, так что, дуй за коньяком, да не жмись.

Заявление на отпуск Волкову начальник Кыирского отделения милиции подполковник Борис Михайлович Кобзарь подписал. И с этого дня капитан Волков на целый месяц с хвостиком оказался птицей свободного полёта.

– С чего начнешь, Коля? – спросил Батурин, после того, как Волков уже официально стал отпусником.

– С мыслей, Витя. Ответы на вопросы буду искать. Начну с Кыира, а там посмотрим. А ты пока пробей по полной Матвеева с "Консервов". Насколько я помню, он ведь не местный, а откуда-то в "Консервы" приехал. Вот и узнай, откуда.

– А что не так с Матвеевым? – записал его данные в свой блокнот Батурин.

– Да пока не знаю, может, и ничего, – ответил Волков, – Матвеев, возможно, прошёл по тропе раньше Мишки Зворыкина, а потом уехал из посёлка и, говорят, навсегда.

– То есть, ты думаешь, что это Матвеев труп с тропы сбросил и рюкзак забрал?

– Может и Матвеев, а может, когда он шёл, трупа на тропе уже не было, – пожал Волков плечами. – Баба Зина говорит, что Матвеев в Карагач к своей невесте на ПМЖ свалил. Может и так, но ты свяжись с Карагачем и узнай. Там же наш Семёнов участковым, он то Матвеева лично знает. Да и дворов в Карагаче всего-то около пятидесяти. Найдёт, если он там.

– Да посиди пока, я прямо сейчас и позвоню, – поднял трубку телефона Батурин.

Деревня Карагач

Капитан Павел Андреевич Семёнов служил в Карагаче участковым уже лет десять и службой своей был доволен. Место здесь тихое, каждый человек на виду, а начальство далеко. Добраться до Карагача можно летом, переправившись через реку на лодке, или зимой по льду. А в межсезонье деревня стояла отрезанная от всего мира, и только в экстренных случаях из Кыргыта сюда иногда прилетал санитарный вертолёт.

Семёнов как раз размышлял, как ему сподручнее зарезать кабанчика, когда с крыльца раздался крик его жены Нюрки.

– Пашка! Иди скорее, Батурин звонит. Срочно тебя к телефону требует, – Семёнов с облегчением положил на пенёк огромный нож-свинокол и пошёл в избу.

– Семёнов на проводе, – выдал Пашка свою коронную фразу, с которой он всегда начинал любой телефонный разговор.

– Здорово, Пашка, – поздоровался Батурин.

– Здравия желаю, товарищ подполковник, – официально ответил Семёнов.

– Ты же помнишь Матвеева с "Консервов"? Говорят, он к какой-то невесте к тебе в Карагач уехал. Он мне нужен срочно. Мне бы с ним поговорить по телефону.

– Матвеев к невесте в Карагач когда уехал? – удивился Семёнов. – Не было его в Карагаче и нет. Уж поверь мне, это-то я бы точно знал.

– Слушай, Паша, не в службу, а в дружбу, проверь прямо сейчас, пробегись по деревне и перезвони мне, я буду у телефона, – попросил Батурин.

– Ну ладно, я тогда пошёл, – ответил Семёнов. – Через час перезвоню.

– Ты куда собрался? – встала на пороге Нюрка. – А кабана кто валить будет?

– Ты же тоже знаешь Матвеева из "Консервов"? Батурин говорит, что он в Карагаче невесту себе нашёл и сейчас где-то здесь обитает, просил найти его срочно.

– Кто? Матвеев и невесту? – усмехнулась Нюрка, – Да ещё и в Карагаче. Знаю я его, как облупленного, не женится он никогда, уж поверь моему слову. И нет его здесь, и не было никогда. Уж такое событие в нашей деревне не скроешь, как ни старайся.

– Да знаю я, – досадливо махнул рукой Пашка. – Но Батурин просил проверить. Пойду, пройду. Я быстро.

– Смотри мне, Пашка, вернёшься под шафе, – щелкнула себе по горлу пальцем Нюрка. – Ночевать будешь в сарае под сеном, рядом с коровой.

Семёнов вернулся быстро и, к Нюркиному удивлению, трезвый. И сразу же набрал номер Батурина.

– Семёнов на проводе. Я же говорил, нет здесь Матвеева и не было. Да и невест здесь нет ни каких, – доложил Семёнов.

– Спасибо, Паша, – поблагодарил Батурин участкового и положил трубку.

– Не был Матвеев в Карагаче, – сказал Батурин. – Сбежал наш Матвеев с пятью миллионами баксов.

– Очень похоже, что именно всё так и есть, – согласился Волков. – С такими деньгами можно и за границу свалить. Где его сейчас искать?

– Сейчас буду пробивать этого Корейко, миллионера подпольного, – сказал Волкову Батурин и снова поднял трубку телефона.

– Матвеев Сергей Фёдорович, тысяча девятьсот пятьдесят третьего года рождения. Родился в Новосибирске. Там же окончил школу и НЭТИ и уехал работать к нам в Карагач. Родители умерли. Больше родственников не имеет, – прочитал справку на Матвеева Батурин. – Ну, то, что он не женат и все остальное, мы и сами в курсе. Он здесь двадцать лет прожил,

большую часть своей сознательной жизни. Скорее всего, он в свой родной город и рванул, надо же как-то устраиваться на новом месте, а там хоть какие-то знакомые есть.

– Я бы в родной город на его месте не поехал, – не согласился с доводами Батурина Волков.

– Ну, ты не путай себя, опера со стажем, с работягой Матвеевым. Тебя, например, я бы даже и искать не стал. Знаю, что бесполезно, – проворчал Батурин. – Но он то даже не знает, что его вообще кто-то ищет. Он же думает, что труп найдут в лучшем случае только следующей весной. А про рюкзак с деньгами вообще никто не знает. Расслабленный он и не особо опасается. Он же, дурная голова, даже свалить из "Консервов" по-нормальному не смог.

– Ну да, тут я с тобой согласен, – кивнул Волков. – Труп мог бы и подальше от тропы уволочь. Квартиру с мебелью, которая денег стоит, алкашу за старую лодку отдал, чем сразу же вызвал мое подозрение. Наврал, что к невесте в глухую деревню, где все на виду, едет. Сказал бы, что в Москву, попробуй, проверь. Тут всё ясно. Увидел такие деньжищи и снесло мужику крышу. Меня теперь больше другой вопрос мучает. Какого хрена делал этот миллионер с пятью миллионами долларов зимой в лесу, в нашей глуши, да ещё смертельно больной? Он ведь к кому-то шёл? Про эту тропу и местные то не все знают. И шёл он не куда-то, а именно в "Консервы". Другого пути у него не было. Дальше только тайга.

Волков ещё раз встретился с водителями маршрутки которые работают на трассе консервного завода и показал им отданную ему Верой Даниловной фотографию Черепанова.

– Прошлой весной, может, кто из вас вёз этого мужика? Он был в меховой куртке, в собачьих унтах и с рюкзаком, – спросил Волков.

Мужики долго рассматривали фотографию и оба, покачав головами, сказали, что вообще никогда его не видели.

Оставался ещё один вариант, как можно добраться из Кыргыта на эту остановку.

В Кыргыте, который можно за час пешком обойти вдоль и поперёк, официального таксопарка отродясь не было. Но зато всегда были привокзальные бомбилы, которые доставляли пассажиров от поезда до их посёлков в любое время суток. Вот к ним Волков и отправился.

У вокзала стояло пять разномастных потрёпанных легковушек, возле которых в ожидании поезда маялась кучка таких же поношенных и побитых жизнью мужиков.

– Здорово, бомбилы! – поздоровался с мужиками Волков.

– И вам не хворать, гражданин начальник! – дружно ответили мужики на приветствие капитана угрозыска.

В Кыргыте уже все знали про найденного в лесу умершего от рака мужика, и бомбилы не удивились, когда Волков стал показывать им фотографию Черепанова.

– Так это этот, что ли, в лесу загнулся? Я ж его знаю, – бомбила, мужик лет за пятьдесят, ткнул в фотографию пальцем, – это ж я, дурак, его в этот лес и отправил. Помните, мужики, когда я картер пробил?

Мужики дружно закачали головами.

– Дайка взгляну ещё раз, – полезли бомбилы смотреть фотографию.

– Точно, он это! – загалдели мужики. – Он с Пекинского сошёл уже поздно вечером, и тогда очередь Митрича была пассажира везти. Митрич его и повёз в "Консервы".

– Ну да, – кивнул Митрич, – так всё и было. Он к Сереге Матвееву ехал, с которым я на заводе в одном цеху работал. А недалеко от остановки, что у строительной конторы, я картер пробил. Ну, мужик этот забеспокоился, времени, говорит, у меня в обрез, мне, говорит, торопиться надо, а то не успею. И кашлял он так надрывно всю дорогу, что я ещё подумал, что тубик у него. Ну я ему тропу и показал. Дело то в конце апреля было, когда морозы после оттепели снова ударили. Тропу видать хорошо, снега почти нет, мороз только под тридцатник давил. Я ему говорю, что до посёлка с его здоровьем часа три топать, а он только рукой махнул,

рюкзак поправил и пошёл. Так вот, значит, судьба у мужика какая? – вздохнул Митрич. – А Серега то знает, что его друг в лесу помер?

– Думаю, что знает, – ответил Волков и пошёл в сторону отделения милиции, делиться новостями с Батуриным.

***

– Так вон оно в чём дело, – протянул Батурин, – выходит, Матвеев не просто случайно наткнулся на труп, а шёл его искать целенаправленно. Вот обошёлся-то он со своим знакомым как-то не по-людски. Мог бы и прикопать где-нибудь по христиански. Вот что деньги-то с людьми делают. Понятно, что на тропе он искал Черепанова в самую последнюю очередь. Ему и в голову не могло прийти, что Черепанов пойдёт к нему через лес.

Но Волков, по привычке доводить дела до конца, решил проверить и эту версию.

Капитан поехал в контору строительной компании и узнал, был ли у них Матвеев и когда он точно ушёл?

– Матвеев? – копалась в бумагах молоденькая бухгалтер компании. – Был такой! Но он уволился, а задолженность мы в тот день выплачивали только работающим сотрудникам. И ему ничего не перепало. Он ещё побуянил немного, но шеф пригрозил ему милицией, и он ушёл. Это было перед самым концом рабочего дня, вечером.

– Спасибо, – поблагодарил девушку Волков и вышел на улицу.

«Что-то тут не сходится, – думал Волков. – Если Матвеев таким образом обеспечивал себе алиби, то тогда домой ему нужно было по-любому ехать на маршрутке. Значит, нашёл он труп своего знакомого всё же случайно. А убежал он в спешке не от милиции. Он же не идиот. Он сразу понял, что труп не криминальный, иначе не было бы на нём рюкзака с деньгами. И он все правильно рассчитал. Милиция очень быстро дело закроет и искать никого не станет. Да и кого искать то и зачем? А вот тот, кто про деньги знает, искать будет. Скорее всего, у Матвеева на этот случай и паспорт левый имеется, по которому он сейчас и путешествует».

– Ну ты где ходишь-то? – недовольно буркнул Батурин. – Тут вон на нашего фигуранта запрос из соседней области пришёл.

– Какой ещё запрос? – удивился Волков. – На кого?

– На Матвеева. На кого же ещё то? Лодку там нашли, в которой паспорт на имя Матвеева с Кыргызской пропиской и вещи.

– И где нашли? Место назвали? – живо поинтересовался Волков.

– Да вот тут и нашли, – показал на карте отмеченную уже им точку Батурин.

– Ага, – почесал затылок Волков, – вот и станция железнодорожная как раз неподалёку имеется, с которой очень удобно на поезд сесть до Новосибирска. Липа это всё, Витя. Липа, для того, кто по его следам кинется. Мол, утонул Матвеев Серега, и дело с концом.

– Думаешь?

– Уверен!

По следу беглеца

Батурин и Волков ходили по станцииному рынку соседней области и показывали фотографию Матвеева всем его завсегдатаям.

– Утонул мужик. Нам нужно всё проверить и закрыть дело, – объясняли они кассирше, которая продавала на станции билеты.

– Был такой, – всмотрелась в фотографию кассирша, – он ещё на рыбака был похож. В плаще, болотных сапогах и с рюкзаком. Купил билет на поезд Пекин – Москва до станции Инская.

– Жалко человека, – смотрел на фотографию армянин, – на рыбалку ехал, продукты купить хотел, а денег нормальных не было. Я ему помог, купил у него несколько долларов. А что, это запрещено?

– Да нет, всё нормально, – успокоил его Волков. – Нам просто дело нужно закрыть. Тело не найдено, вот и опрашиваем свидетелей, может жив ещё, мало ли, у бабы какой задержался.

– Значит, в Новосибирск рванул наш беглец, – Батурин посмотрел в сторону привокзальной кассы. – Видимо, и тебе, Коля, придётся туда прокатиться.

Новосибирск. Искитим клиника гипертермии

Невысокое здание клиники гипертермии находилось на краю большого лога в городе Искитим на юге Новосибирской области. До клиники с вокзала Новосибирск – Главный, Волков добрался, сначала доехав до Искитима на электричке, а потом на местном автобусе. В клинике никого, кроме сторожа, не оказалось. Как выяснилось, пациенты приезжали на процедуры по предварительной записи в определенное время. По настоянию Волкова сторож позвонил кому-то из персонала, и часа через два на собственном автомобиле в клинику из Новосибирска приехал сам академик Сумернев.

– По какому случаю, интересно, в мою клинику пожаловал оперуполномоченный уголовного розыска аж с другого конца России? – поинтересовался академик.

– Меня интересует один из ваших пациентов, Черепанов Артём Матвеевич, – сказал Волков. – Он найден мертвым в нашем городе, и для того, чтобы передать дело в архив, необходимо уточнить некоторые нюансы. Жена его, понимаете, очень на этом настаивает.

– Его убили? – академик удивлённо поверх очков посмотрел на Волкова.

– Нет, – ответил капитан. – Он умер своей смертью от рака легких в лесу, и его тело совершенно случайно нашли только спустя полгода после его смерти. Вот мы и хотим уточнить личность покойного. Сами понимаете, опознавать там уже нечего. А почему, кстати, вы решили, что Черепанова могли убить? – спросил Волков.

– Ну, – смутился Сумернев, – обычно, насколько мне известно, милиция не расследует дела, в которых нет криминальной составляющей. Вот я и подумал невесть что. К тому же, этот пациент как-то странно исчез.

– А в чем именно заключается эта странность? – поинтересовался Волков.

– Черепанов был человеком обязательным, и не в его правилах было пропускать процедуры. Именно неукоснительное соблюдение графика этих процедур и позволяет блокировать взрывное развитие в организме раковых метастаз, – ответил Сумернев. – Но в этот раз он, как обычно, прошёл процедуру гипертермии, но почему-то не стал дожидаться окончания адаптации и куда-то исчез.

– Он передавал вам наличные за оплату своего лечения? – задал вопрос Волков.

– Да, он всегда оплачивал лечение только наличными. И в этот раз он внёс оплату наличными. А что не так? – Сумернев вновь посмотрел на милиционеров поверх очков.

– И много он вам заплатил? – спросил Волков.

– Да, как обычно, полторы тысячи долларов. Как и все пациенты, – пожал плечами Сумернев. – Если вам интересно, я могу поднять бухгалтерию.

– Нет, спасибо, я вам верю, – Волков посмотрел в окно и задал следующий вопрос. – А кто ещё проходил лечение в вашей клинике одновременно с Черепановым?

– По-разному бывало. Но если вы имеете в виду, что они здесь проходят процедуры одновременно и все разом, то это не совсем так. В назначенное пациенту время в клинике он один и находится. У нас тут лечение не из дешевых, и условий для содержания пациентов именно в клинике не предусмотрено. Максимум, только в период адаптации. Ну, а список клиентов

с графиком прохождения процедур я вам могу предоставить. Это не является тайной, и все пациенты дали на это своё согласие. Мне же как-то нужно освещать то, чем мы тут занимаемся, – ответил Сумернев.

Судя по полученному от академика Сумернева списку и графику прохождения процедур, подавляющее большинство пациентов были приезжими из других регионов и на время лечения снимали либо квартиры в Искитиме, либо жили в местной гостинице. И только двое жили в Новосибирске и даже имели Новосибирскую прописку.

Этими пациентами были некто Барышев Сергей Евгеньевич и Смирнов Алексей Илларионович.

– Что вы можете рассказать вот об этих пациентах? – спросил Волков.

– Барышев проходит процедуры регулярно, и вот уже в течение пяти лет ни разу не пропустил ни одной из них, – поправил на переносице очки Сумернев. – А вот со Смирновым были проблемы. По началу он показался мне человеком серьезным, ответственно относившемся к своему здоровью. Но потом, как-то раз, ни с того ни с сего, вместо прохождения процедуры он взял и уехал в горы, на Алтай, мол: «Мне там стало лучше и лечиться я больше не буду».

Но вскоре, как и должно было быть, его состояние резко ухудшилось, и на последней процедуре, честно говоря, я с коллегами вынес ему жестокий вердикт, сказав, что жить ему осталось от силы один месяц. А ведь он квартиру в Москве продал и переехал в Новосибирск, поближе к клинике, чтобы не пропускать процедуры. Что с ним случилось, что он так халатно забросил лечение, ума не приложу. Что с ним и где он сейчас, я даже не знаю.

Волков попрощался с академиком и решил пройти до станции пешком.

«Один, бросив лечение, едет зачем-то на Алтай в горы, а другой – за три тысячи километров в захолустный посёлок консервного завода. И ведь именно это и может быть нитью, которая связывает пока троих известных фигурантов. Значит, Черепанов, Матвеев и Смирнов могут быть связаны, и я не сильно удивлюсь, если окажется, что и Смирнов сгинул где-то в горах с мешком американских рублей, – ухмыльнулся Волков. – Что ж, пора мне наведаться в гости к этому Смирнову и задать ему пару вопросов. Если он ещё жив, конечно, и находится дома. И вообще, нужно будет уточнить, а точно ли именно на Алтай ездил Смирнов, когда забросил лечение, а не к Матвееву в "Консервы"»

А почему нет? Я же так и не выяснил, каким таким мёдом начиняют консервы в нашем посёлке, что туда люди на последнем издыхании миллионы долларов тащат?»

Новосибирск. Начало ноября 1993 год

Новосибирск встретил капитана Волкова относительно тёплой, по сравнению с Кыргызом, погодой. Сияло солнышко и стояла плюсовая температура. Волков прошёл в фойе привокзальной гостиницы, поменял в обменнике доллары и снял номер. Жить здесь было удобно. Рядом метро и электрички, и в любое время суток полно таксистов.

На следующее утро Валков поехал на адрес, где должен был проживать Смирнов. Поднявшись на лифте на второй этаж многоэтажки, он нашёл нужную ему дверь и нажал кнопку звонка. Открывать дверь никто не спешил. Волков приложил к двери ухо. Тишина.

«Умер, поди, Смирнов где-нибудь в глуши с мешком денег, как Черепанов», – подумал Волков.

И тут за дверью раздался голос.

–Кто?

Волков достал удостоверение и раскрыв его, поднёс к дверному глазку.

– Оперуполномоченный капитан Волков, – представился капитан и добавил: – Уголовный розыск.

За дверью затихли, и только минут через пять дверь приоткрылась, и в дверном проеме в домашнем халате и тапочках показался Сергей Фёдорович Матвеев собственной персоной.

– Вам кого? – вежливо поинтересовался Матвеев.

– Матвеев! – вскрикнул Волков. – Мать твою! Я за тобой пол мира проехал. А ты мне: «Вам кого?» Тебя, родной, кого же ещё то? – хлопнул по плечу Матвеева капитан. Ну что, так и будем на пороге стоять или всё же в квартиру пройдем?

По лестнице с верхнего этажа к мусоропроводу спускалась какая-то женщина.

– Доброе утро, Алексей Илларионович, – поздоровалась женщина с Матвеевым.

– Доброго утра, Васса Ивановна, – ответил ей Матвеев и уставился на Волкова. – Можно ещё раз взглянуть на ваше удостоверение?

Волков снова достал удостоверение и сунул его поднос Матвееву.

– Кыргыз? – удивился Матвеев. – Это где?

– Хорош дурить, Матвеев, – начинал заводиться Волков. – Или у тебя от шальных денег память отшибло?

– Послушайте, капитан. Во-первых, перестаньте мне тыкать, а во-вторых, нет здесь никакого Матвеева. Это моя квартира, и я купил её на законных основаниях, – заявил Матвеев.

– Васса Ивановна, – позвал поднимавшуюся по лестнице уже с пустым ведром женщину Матвеев. – В этой квартире когда-либо проживали Матвеевы?

– Нет, – поставила на пол ведро Васса Ивановна и принялась объяснять, кто в какой квартире живёт. – Вон там Прохоровы, а вот тут живут Черемисовы, а на этаже выше...

– Спасибо, Васса Ивановна, – перебил её Волков. – Могу я взглянуть на ваш паспорт? – обратился он к Матвееву.

– Да, пожалуйста, – ответил Матвеев и вернулся в квартиру, а через минуту показал Волкову паспорт на имя Смирнова Алексея Илларионовича.

Волков не верил своим глазам. Паспорт, судя по всему, был не липовый, но с фотографии на него смотрел Матвеев.

Глава 3

Серёга Матвеев

Серёга до позднего вечера бродил по Новосибирску, совершенно не зная, куда себя девать. Последние несколько недель давили на него, словно многотонный пресс, и только завалявшись в тёплую ванну, он наконец-то почувствовал, что напряжение потихоньку куда-то уходит. Эта трешка в центре города, конечно, не шла ни в какое сравнение с его квартирой в "Консервах", где не было и в помине никакой ванны, а в сортир приходилось бежать на улицу, а когда ещё в посёлке было много народу, стоять в очереди, ожидая, когда освободится занятое очко. А когда оно освободится, сидеть с кем-то плечом к плечу и слушать его пердеж.

«Я, пожалуй, месячишко вообще ничего делать не буду, – сладко подумал Серёга. – Буду спать, жрать и смотреть телик, а потом видно будет».

Утром Серёга проснулся рано, но вставать не торопился и валялся бы так до обеда, если бы не настойчивый звонок в дверь.

– Твою мать, – выругался Серёга. – Вот кого ещё черти в такую рань могли принести?!

– Кто? – спросил Серёга и посмотрел в дверной глазок.

Серёга не мог поверить своим глазам. За дверью, тыча в глазок раскрытое удостоверение, стоял опер из Кыргызта.

«Как он вообще на меня смог выйти и главное, почему?» – пронеслись в его голове, обгоняя друг друга, мысли.

Ноги почему-то вдруг стали ватными.

«Так. Нужно взять себя в руки и не паниковать. Никакой я не Серёга Матвеев, я Лёха Смирнов. И документы у меня в полном порядке. Хрен он чего докажет. А дверь открывать так и так придётся. Но в квартиру этого опера впускать нельзя. Тут ствол, на котором может всё что угодно висеть, и деньги», – выдохнул Серёга и, сотворив на лице недовольную мину, открыл дверь и вышел на площадку.

– Вы никогда не были в Кыргызте? – поинтересовался Волков на всякий случай, протягивая Смирнову паспорт. – У вас случайно брата-близнеца нет?

– Нет у меня никакого брата, – ответил Смирнов. – И тем более близнеца. Один я.

– А в чем дело-то? – заинтересовалась Васса Ивановна. – Я Алексея Илларионович знаю. Он всегда вежливый. Всегда со мной здороваётся. Хороший человек.

– Извините, ошибочка вышла, – произнёс идиотскую фразу Волков и, забыв, что он в гражданке, по привычке козырнул и пошёл по лестнице на выход.

«Охренеть, – думал Волков, спускаясь по лестнице. – Что это было? Это ж вылитый Матвеев. Что-то мне совсем не нравится весь этот цирк. Смирнов, если верить официальной информации и академику, безнадежно больной человек, а этот на смертельно больного совсем не тянет. Тем не менее его знают соседи, и живет он в этой квартире не первый день. Матвеев же смотался из "Консервов" всего несколько дней назад и раньше из Кыргызта не выезжал. Невозможно уехать из "Консервов", чтобы об этом никто не знал, это не то место. Нужно это дело хорошенько обмозговать».

Волков, наконец, вышел из подъезда и, повертев головой, обнаружил за перекрёстком вывеску какого-то кафе.

В кафе Волков заказал сто граммов коньяка и закуску и принялся ломать себе мозг дальше.

«Всё это смахивает на какую-то шпионскую игру. Залегендированный под Матвеева агент иностранной разведки двадцать лет прикидывается работягой и живет в откровенной заднице в ожидании своего звёздного часа. Его люди подготовили ему новую легенду, жильё и документы, снабдили пятью миллионами долларов, которые переправили с помощью безнадежно больного агента, ну и так далее...

Бред какой-то в голову лезет, – мотнул головой Волков. – Поеду в гостиницу, куплю водки и напьюсь. Пусть мозги отдохнут».

Серёга

Середина октября. 1993 год. Посёлок Кыргыз

Серёга стоял на остановке общественного транспорта и старался как можно глубже засунуть руки в карманы старенькой летней куртки, чтобы сохранить последнее тепло, которое уносил из его тела холодный осенний ветер. Ветер гонял по пустой дороге желтые, ещё не просохшие после дождя листья и тербил потрёпанную Серёгину куртку. А на дороге голяк.

«Где эти гребаные маршрутки?» – тоскливо вслушивался Серёга, пытаясь определить по звуку за поворотом, не появится ли из-за него хоть какой-нибудь транспорт.

Дойти до дома пешком можно было часа за полтора. Ну или минут за сорок, если шпарить быстрым шагом. И он бы уже, наверное, дошёл, если бы не боялся, что как только он отойдёт от остановки, то как раз и пропустит эту самую маршрутку. Потому как идти пешком нужно было не по дороге, а напрямую, через осенний, залитый дождем лес, по тропинке, заросшей высокой, а теперь ещё и мокрой травой.

Времени до наступления сумерек оставалось совсем немного, от силы полчаса. И, как назло, с неба снова начал накрапывать мелкий промозглый дождь, мокрые брызги которого порывистый ветер бросал из стороны в сторону, умудряясь забросить их даже в рукава куртки. А маршрутки всё не было.

Поймать такси или какой другой транспорт здесь было вообще не реально. Во-первых, денег у Серёги было – голь, моль и ноль по вдоль, то есть ровно на маршрутку, а во-вторых, эта дорога вела в тупик, упираясь в ворота старого консервного завода, который нынче не функционировал, а территория его была отдана под какие-то склады. И судя потому, что уже года три они стояли пустыми, склады загнулись так же, как и консервный завод. Хотя охрану на них держали и даже платили, хоть и сущие копейки, но зато регулярно и без задержек. От бывшего заводского хозяйства остались лишь полуразвалившийся от старости деревянные двухэтажные бараки, в них доживали свой век бывшие заводские работяги, одним из которых был и сорокалетний Серёга.

Когда-то у него и деньжата водились, и он даже прикидывал, как, выйдя на пенсию, купит на свои сбережения домик на юге и будет доживать свои дни, любясь на яблони в собственном саду. Потом в стране начался бардак, и Серёга в одночасье лишился не только мечты о домике на юге, но и всех своих сбережений.

Бывший когда-то стратегическим консервный завод оказался вдруг никому не нужным. Сначала его кто-то приватизировал, потом продал, а новый хозяин завода его тоже продал, и однажды на его территории появились склады, а работяг с бывшего завода уволили. Кто-то уехал из посёлка на заработки в дальние края, а кто-то как Серёга, устроился на работу в посёлке городского типа Кыргызте.

Их заводской посёлок, в общем-то, тоже являлся одним из районов Кыргызта, но считался таким захолустьем, что городские чиновники о нем старались вообще лишний раз не вспоминать.

В городе ситуация с работой была не такая аховая, как в "Консерве", но и не сильно лучше. В смысле, работы то было полно, но вот денег за эту работу никто платить не хотел. Работяг кидали на бабки все, кому было не лень и не страшно. Деньги либо не платили совсем, либо в наглую вкладывали зарплатные деньги в какое-то дело и крутили их там до ишачьей паски или, по крайней мере, до тех пор, пока они приносят прибыль. Ишачить на барина задарма Сереге было запаadlo, и когда зарплату задержали в очередной раз, он со психу уволился.

Серега ездил в управление строительной компании, в которой он трудился до недавнего времени обычным разнорабочим и где вот уже третий месяц задерживала зарплату. Сегодня, наконец, расщедрились и выдали часть зарплаты работникам, но только тем, которые еще не уволились. Серега же, как всегда, пролетел, как фанера над Парижем и возвращался домой пустой, как бубен и злой, как сто голодных китайцев.

Денег в его дырявом кармане было в притык, только чтобы доехать до дому и сожрать купленную в ларьке возле управления упаковку лапши быстрого приготовления.

«Хорошо еще, что так и не женился и детей не завёл, – подумал Серега, покосившись на уходящую в глубину леса тропинку. – Если я тут ещё постою, то по лесу тащиться придётся вообще в полной темноте», – решил, наконец, он, втягивая голову поглубже под воротник.

И, приняв, наконец, решение, плюнул на дождь, на наступающие сумерки и мокрую траву и рванул домой напрямую через лес. И уже удаляясь за деревья, услышал, как, разбрызгивая на дороге лужи, мимо пронеслась последняя маршрутка.

***

В лесу было уже совсем темно, хоть глаз выколи, но тропинку эту Серега знал очень хорошо и шуровал по ней, как паровоз по рельсам. Минут через пять он был уже мокрый с головы до ног, которые проваливались в залитые водичкой колдобины и раздвигали высокую, выше колена, траву. После закрытия завода по этой тропе уже почти никто и не ходил, и в этом году, похоже, Серега был первым, кто решил по ней срезать путь до дома.

Примерно на середине пути, споткнувшись о что-то чёрное и мягкое, Серега кувыркком улетел в густые кусты и, сильно приложившись коленом, заматерился. Долго выбирался и со страхом и удивлением увидел лежащего на тропе человека. Поборов страх и желание рвануть отсюда куда подальше, Серега осмотрел тело и обнаружил, что человек этот мёртв. Причём умер он, по всей видимости, еще зимой, так как одет был по-зимнему, ну, в крайнем случае, весной.

«Вот же угораздило меня, – посмотрел он в сторону остановки, откуда только что пришёл. – Теперь ведь, по-хорошему, нужно обратно бежать, в милицию».

Разложившийся труп лежал на тропе лицом вниз, а на спине его был зелёный, порядком истлевший туристический рюкзак, который Серега зачем-то раскрыл и проверил его содержимое.

«Мать моя, женщина, да сколько их тут?» – выдернул упаковки с купюрами из рюкзака Серега. Он уже не обращал внимания на дождь, темноту и холод. Да какой на фиг холод, Серегу колотило от возбуждения так, что по телу заструился горячий пот.

Стянув с трупа рюкзак, Серега, пыхтя, оттащил труп подальше с тропы, в те самые заросли, из которых он только что выбрался.

«Вот черт, чуть не забыл», – преодолевая брезгливость, он обшарил у трупа карманы и вынул полуистлевший паспорт. Разобрать что-либо в темноте было нереально, и Серега, засунув паспорт в рюкзак, поспешил покинуть это место.

***

Топая по лесу в сторону дома, Серега решил не светить, что он сегодня шёл по лесной тропинке, и, тем более, не светить рюкзак.

«Раз он тут с самой зимы лежит, значит, его никто особо и не ищет, – справедливо рассуждал Серега. – В кустах труп может спокойно пролежать до следующего лета, а может и целую вечность. Да и если его и найдёт кто, то насчёт денег менты всё равно не узнают. Чтобы узнать про деньги, нужно труп идентифицировать, а без документов это будет сделать невозможно».

Дойдя по тропе до посёлка, он не сразу пошёл к своему барaku, а ещё какое-то время сидел за металлическими гаражами и наблюдал за тем, пока в соседней с его квартирой, в которой жила одинокая бабка Зина, не погаснет свет. Пусть все думают, что он приехал домой на маршрутке и без рюкзака, который к тому же вонял покойником так, что Серега вообще сомневался, стоит ли тащить его в дом. На всякий случай он все же спрятал рюкзак за гаражами и, прокравшись домой, не включая свет, нашел в шифоньере пустой мешок из-под картошки, в который, вернувшись, переложил купюры. Потом отнёс мешок домой, взял лопату и снова вернулся за гаражи. Забрал пустой рюкзак и, отойдя подальше, закопал его у опушки леса, закидав это место ветками.

***

Серега ещё никогда не видел живую ни одного доллара и очень сильно сомневался, что они не фальшивые. Слишком уж много их оказалось, и если всё правильно посчитано, то сегодня вечером Серега из нищего превратился в миллионера. И теперь его мечта о домике в тёплых краях, кажется, наконец, начинает реализоваться.

Денег было очень много. В каждой целлофановой упаковке было завернуто и запаковано по десять пачек столлларовых купюр, и таких упаковок было пятьсот штук. Серега всю ночь разрезал упаковки и пересчитывал купюры.

«Пять миллионов баксов, – подвёл итог Серега, когда на часах было четыре часа утра. – Ну а дальше то, что делать? В посёлке на эти бумажки даже пожрать не купишь. Да и светить их тут точно не резон. Не резон их светить даже в Кыргызте».

Сереге почему-то вспомнился фильм про золотого телёнка. Деньги у Сереги есть, но потратить их он в этом посёлке не может. Здесь даже одна такая бумажка, – Серега взял в руку столлларовую купюру, – вызовет у местных доходяг столько вопросов, что мама не горюй. И в городке, где все друг другу брат, сват и прочее, Серега и доллары – понятия не совместимые.

«Уехать бы куда подальше, – подумал Серега, глядя на пачки с долларами. – Но как тут уедешь? Чтобы уехать, деньги нужны. В посёлке доллары обменять негде, и нужно как-то до города добираться, и лучше, от греха, до соседнего областного центра. По-любому деньги на дорогу нужны. Единственная возможность свалить отсюда по-тихому может быть лишь по реке, по которой до ближайшей железнодорожной станции километров двести. Железная дорога была совсем рядом и тут, но здесь всё опять упиралось в деньги».

Серега взял в руки лупу и с трудом разобрал надписи в промокшем и полусидевшем паспорте покойника. Звали покойника Черепанов Артем Матвеевич, тысяча девятьсот пятьдесят девятого года рождения, и, судя по прописке, приехал он в эти края издалека, аж из Армавира, что в Краснодарском крае.

«Что ему тут было делать с такими бабками – непонятно, – Серегу, наконец, стало клонить ко сну. – Ладно, утро вечера мудренее. Утром подумаю, где лодку взять».

***

Лодку с мотором Серега отбросил сразу по причине безденежья. Купить он ее не мог, а воровать не хотел, потому как сваливать нужно тихо, не привлекая внимания. Да и не продаст моторку никто. В посёлке только две моторки, у стариков Митрича и Иваныча Горчаковых, которые одной рыбалкой только и живут, пенсии то, тоже через раз платят. Мысль о том, что можно что-то кому-то продать, была не правильная. Нет у людей денег. На складах тоже только сторожа, а хозяева лишь время от времени появляются, а валить нужно прямо сейчас, пока ещё не зима и река не замёрзла.

Серега купил на сэкономленные на маршрутке деньги у соседки бабки Зины поллитра самогонки и поплёлся к своему корешу Мишке Зворыкину. У которого лодка была, но, по причине беспробудного загула, Мишка на рыбалку давно не ездил. Лодка хорошая, моторная, но без мотора, который Мишка уже давно пропил, загнав его кому-то из городских мужиков. Лодку же, как он ни старался, продать почему-то не мог.

– Здорово, Миха, – поздоровался Серега и скривился от стойкого, въевшегося в стены Мишкиного жилища сивушного, смешанного с дерьмовым табаком запаха. В комнате у Мишки было шаром покати, все давно продано и пропито, и кроме кровати с провисшей панцирной сеткой, пары расхристанных табуреток и грязного стола, на котором маялся пустой граненый стакан, больше ничего за Мишкиной душой не было.

Смурной с похмелюги Мишка с тоскливой надеждой посмотрел на Серегу.

«Вдруг принёс чего бухнуть?» – и, подумав, что словил облом, нехотя поздоровался.

Серега, как факир из шляпы выдёргивает кролика за уши, выдернул из-за пазухи поллитру и с торжественным видом водрузил ее на стол прямо перед Мишкиным носом. Чтобы проникся, так сказать.

Мишка проникся, но любованье на такой подарок отложил на потом и, схватив со стола стакан, потянулся было уже к бутылке, но на полпути вдруг остановился и с тоскливым выражением уставился на Серегу.

– Мама дорогая! – Серега, увидев, как бьется в нетерпеливой истерике в Мишкиной руке стакан, понял, что вся беда в том, что Мишка просто не сможет налить из бутылки самогонку в мятущийся стакан, не выплеснув половину её содержимого на пол. И такая мука была в Мишкиных глазах, что Серега пожалел, что когда мама хотела отдать его в детстве в художественный кружок, он сдуру закатил ей истерику и отказался становиться великим художником. А жаль, очень жаль. Такая картина пропадала. Полюбовавшись ещё немного, Серега с сожалением о том, что сейчас он своей рукой испортит такой портрет, отобрал из трясушейся руки друга стакан, налил в него самогонки и, придерживая кореша за затылок, помог ему выплеснуть в рот живительную влагу из волшебного погреба бабы Зины.

Живая вода, а иначе её и не назовёшь, судя по тому, что она сотворила с его корефаном, у которого вдруг куда-то бесследно удалась болезнь Паркинсона и перестали трястись руки, разгладились морщины на лбу и исчезли огромные синюшные мешки под глазами, имела поистине волшебные свойства. Мишка довольно крикнул и, спросив взглядом позволения, налил себе ещё полстакана.

– Ты пей, пей, Миха. Вон тебя как колотило, так и прибраться можно, – напутствовал Серега громкие хлюпанья текущей в Мишкино горло самогонки.

– Ты че пришёл то? – спросил Миха, закручивая самокрутку. – Я ж в курсе, что ты не бухаешь. Надо чего?

– Да бабу я себе нашёл, Миха, – ответил Серега, протягивая Мишке нормальную сигарету.

– А я то тут причём? – удивился Мишка, засовывая предложенную сигарету за ухо и продолжая скручивать самокрутку. – Или забыл, для чего мужику баба нужна и решил попросить помощь из зала?

– Я лодку у тебя хотел попросить, чтобы к бабе сгонять, дурень.

– А далеко баба-то?

– В Карагаче, – ответил Серега. – Я с ней прошлым летом, когда на стройке работал, в городе познакомился. К себе в деревню меня звала, у неё там хозяйство. Вот хочу сгонять, посмотреть, что да как, может, останусь. Здесь-то ловить нечего.

– Это да, – согласился Мишка. – Здесь полный облом. Но и Карагач тоже дыра ещё та. От нас сто вёрст, и до города ещё столько же. Что ты там делать будешь, хвосты коровам крутить?

– Да лучше хвосты крутить, чем тут с голодухи погибаться, – зло ответил Серега. – Я вчера снова за бабками в контору ездил, опять побрили. Сказали через месяц узнать. Да ты, Миха, не переживай, я же не за так у тебя лодку прошу. Денег у меня, сам знаешь, нет. Но поскольку я, скорее всего, насовсем сваливаю, то я тебе ключи от своей хаты оставлю. Все, что там есть, можешь забирать. Я ничего с собой не потащу. У моей бабы всё есть. А у меня там и телик ещё не старый, и холодильник, в общем, сам знаешь.

– А если не срастется у тебя с бабой? – спросил Мишка.

– А если не срастется, то я сюда всё равно не вернусь, на заработки куда-нибудь рвану, – ответил Серега. – Сам знаешь, Миха, что здесь скоро никого не останется.

– Ага, – засмеялся Миха. – Кроме меня и бабки Зины. Она будет самогонкой торговать, а я покупать.

– На кой шиш покупать то будешь? – спросил Серега.

– Ну, тогда женюсь я на Зинке и буду пить самогон на халяву, – размечтался уже на полном серьёзе Миха.

– Ладно, Миха, хорош мечтать, как поеду, я тебе ключи от квартиры занесу, – прервал Мишкины мечты Серега.

Глаза Серегиного кореша загорелись алчным огоньком, и Серега понял, что попал в самое яблочко. Мишка, когда надо, соображал быстро и мгновенно прикинул, что предложение ему сделал Серега по истине царское. Тащить Серёгины шмотки практически никуда не нужно. Баба Зина живет с Серегиной квартирой дверь в дверь, и можно будет бухать прямо не отходя, что называется, от кассы.

– Лады, – еле скрывая радость от сделки, крикнул Мишка и налил себе ещё полстакана. – Когда сваливаешь? Лодку можешь забирать хоть сейчас, она на реке, ключи от замка и вёсла в сарае. Пошли, заберёшь.

– Вёсла-то целые или в хлам? – проверил Серега весло на прочность и, убедившись, что они надежные, забрал ключи от замка, которым лодка было пристёгнута к толстой, приваренной к тяжелой железной балке цепи.

Серега до полуночи упаковывал деньги обратно в целлофановые мешки и проглаживал для герметичности края утюгом. Потом сложил упакованные купюры в рюкзак и сунул туда приличный кусок пенопласта, на случай, если что случись в дороге, рюкзак с деньгами не утонул бы. Проснувшись часов в пять утра, ещё затемно, взял весла и отнёс их в лодку, потом дошёл до Мишки и отдал ему ключи от квартиры.

– Живи, дружище, и не поминай лихом, может, и не свидимся больше. Прощай, – пожал Серега напоследок потную с похмелья Мишкину ладонь и ушёл в темноту, к реке.

Глава 4

Двести километров по реке в низ по течению, это не много и не мало, а пару дней грести придётся. На воде из-за поднявшегося над рекой плотного тумана, было заметно теплее, чем на берегу, правда, не видно ни чего.

«Ну и хрен с ним, что не видно, куда тут смотреть-то? Река не судоходная, под баржу не въедешь, а то, что мне ничего не видать, так и меня тоже не видно», – рассудил Серега и взялся за весла.

Ночевать пришлось под дождем, накрывшись плащом прямо в уткнувшейся носом в берег лодке.

«Ничего, как говорил мой дед – не сахарный, не размокну», – вспомнил Серега своего бравого деда и, замотавшись поплотнее в брезент, уснул.

Утро, как и вся ночь, было дождливым. О костре нечего было и думать, еды тоже не было, и промокший насквозь Сергей, чтобы хоть как-то согреться, оттолкнул лодку от берега и, словно заведённый, стал работать вёслами, разгоняя лодку вниз по течению затянутой пеленой дождя реки. А пока грёб, думал:

«Разложившийся почти полностью труп лежал прямо на тропинке, лицом в низ, головой в направлении посёлка консервного завода. В тёплой зимней куртке и собачьих унтах летом по лесу не ходят, а поздней зимой пройти такое расстояние от остановки по глубокому снегу и не сбиться с тропинки нереально в принципе. Даже я, знающий эту тропу как свои пять пальцев, наверняка сбился бы. Значит, это была либо поздняя осень, вернее, начало зимы, когда снега ещё было не очень много, либо ранняя весна, когда снег уже изрядно просел и тропинку стало видно. Да и шагать ночью или ранним утром по замерзшему после дневной оттепели насту было гораздо легче. Человек этот явно умер своей смертью, иначе никакого рюкзака с деньгами при нем бы не оказалось. Это факт, – Серега чертыхнулся и чуть не упустил весло, когда лодка со всей дури налетела на плывущую по реке корягу. – Судя по прописке, человек этот прибыл ох, из какого далека, и раньше я его в посёлке никогда не встречал. А вот о тропинке, о которой и в городке-то, кроме бывших заводчан и поселковых, мало кто знает, этот приезжий гражданин откуда-то знал и наверняка ходил по ней и раньше. Интересно, к кому он шёл?»

Серега перебрал в уме всех поселковых и работников склада, но ни один из них никак не вписывался в число знакомых погибшего на тропе миллионера.

«То, что погибший поперся с пятью миллионами баксов в эту дыру, никто не знал. Это точняк. Иначе весь посёлок за такие бабки уже давно бы раком поставили. Но ведь кто-то же его должен искать? Одиноких, пропавших без вести с пятью миллионами зелени миллионеров ищут днём с огнём, пока не найдут. Не найдут деньги, естественно. И то, что решил свалить от греха – решение правильное. Те, кто когда-нибудь приедут в посёлок за деньгами, церемониться не станут и будут выбивать информацию по-взрослому. Но и меня теперь, если что, искать будут в первую очередь, а когда узнают, что я никогда ни у какой бабы в Карагаче не появлялся и даже ни с какой бабой не знакомился, землю будут рыть основательно».

Поздно вечером Сергей прижался к берегу, не доплыв до наполовину прогнившей от времени поселковой пристани километра четыре и вытащив лодку на пологую песчаную косу, решил здесь же и переночевать.

Утром Сергей вынул из рюкзака упакованный в целлофан паспорт на имя Черкасова Станислава Андреевича, оставленный ему в залог за десятку каким-то забулдыгой, когда Сергей ещё работал на стройке в городе. Забулдыга за паспортом так и не пришёл, и Сергей решил его на всякий случай сохранить. Хорошо было то, что тот алкаш притащил Сереге не свой паспорт, а явно украденный где-нибудь на вокзале, и не алкаш Серегу, ни Серега алкаша раньше не

знал. И вот теперь паспорт оказался в пору, тем более, что и бородатый мужик на фото хоть и не сильно смахивал на Серегу, но борода этот огрех скрывала. В общем, если в ментовку с ним не попадать – прокатит. Жить с этим паспортом Сергей не собирался, а вот уехать по нему – да. Свои документы Сергей сложил в спортивную сумку с тёплыми вещами и кинул ее в лодку. Потом вытащил из уключины одно весло и бросил его в воду, и лишь потом оттолкнул и лодку. Лодку где-нибудь найдут и Сергея посчитают утопшим. Даже если кому-то придёт в голову воспользоваться его паспортом, так оно и лучше. Когда спалится, сам расскажет, где паспорт Серегин нашел. Билет на поезд Пекин – Москва до Новосибирска Сергей купил без проблем, но перед этим, конечно, поменял две сотни баксов у какого-то торгующего на ранке овощами армянина.

В обычном плацкартном вагоне, с большим рюкзаком, в брезентовом плаще и болотных сапогах Сергей был похож на рыбака и вопросов не вызывал.

Через четверо суток он благополучно вышел из поезда на станции Инская, не доехав до кишащего милицейскими патрулями Новосибирск – Главный совсем немного.

Рыбак в Первомайском, с двух сторон окружённом водой районе Новосибирска – дело обычное, а рынки и магазины, где можно немного приодеться, были и здесь.

Покупать себе шмотки в одном месте Сергей не стал, а поступил на его взгляд, более благоразумно. И чтобы не светиться и не привлекать к себе излишнего внимания, купил в одном магазине осенние ботинки и тёплый свитер, в следующем джинсы и осеннюю куртку с кепкой, а в последнем большой туристический рюкзак. Перейдя по переходному мосту в лес, скинул с себя старые шмотки и переоделся. Вместо рыбацкого рюкзака Серега купил рюкзак по приличней и переложил в него деньги.

Добравшись на электричке до станции Новосибирск – Главный, Серега занялся поиском временного жилья. И кроме того, здесь уже с этим мутным паспортом можно было влететь.

«Кто знает, может настоящий его хозяин находится в розыске? Не хватало ещё попасть в ментовку с мешком денег. По нынешним временам, до ментовки меня даже не довезут», – думал Серега, выйдя из вагона электропоезда на перрон.

***

Газету с объявлениями о сдаче квартир по часам и суткам Сергей купил в обычном газетном киоске и с первого же телефона автомата на углу принялся обзванивать хозяев. Договорившись сразу с шестью сдатчиками квартир на разное время, он приехал к одиннадцати часам в ближайший от центра адрес на Красном Проспекте.

Дверь открыл молодой парень, который, похоже, делал на этом деле неплохой бизнес.

– Мне нужна квартира на четыре – пять дней, – улыбнулся Сергей хозяину квартиры. – И так, чтобы не светить документами.

– А что так, проблемы с ментами что ли? – парень почесал затылок. – Можно, конечно, но стоять это будет не дёшево.

– Да нет, что вы. С милицией у меня проблем не было и нет, – ответил Сергей. – У меня проблема другого типа, но за неё я готов заплатить как за проблему с милицией или даже больше.

– И что же это за проблема? – нахмурился парень. – Если с братвой, то я пас. Они мне всю хату разнесут.

– Нет. Проблем с криминальными элементами у меня тоже не было, и очень надеюсь, что и не будет никогда, – сплюнул через левое плечо Сергей. – Видите этот рюкзак? Я сказал жене, что еду с друзьями в горы, на Алтай. Если понадобится, они подтвердят, а сам ... Ну, вы понимаете? В общем, – зашептал Сергей. – В вашей квартире я буду не один, а с дамой сердца.

– Ах, это, – облегченно выдохнул парень. – Да нет проблем.

И, спохватившись, добавил:

– В смысле, проблема, конечно, есть. Мне ведь без разницы, кто мне хату разносить придет – бандосы или ваша жена. Так что, заплатить придётся по тройному тарифу и вперёд.

– Конечно, конечно, – закивал головой Сергей, вынимая из кармана помятые рублевые купюры и протягивая их довольному хозяину квартиры. – Надеюсь, что нас тут никто не побеспокоит?

– Живите на здоровье, и если захотите продлить удовольствие по такому же тарифу, то вот вам моя визитка, звоните.

Оставшись в квартире один, Сергей задумался:

«Проблема с жильем решена. Теперь необходимо решить проблему с документами, а это уже не печки – лавочки. Эта проблема гораздо серьезней. Любая попытка купить документы, а такие места здесь имеются, например, на Горской, приведёт к засветке. Да и документы, которые пачками за рубль продают барыги на Горской, в основном фуфловые, до первой, более-менее серьезной проверки. В моём случае нужны документы человека, о котором я буду знать все, ну, или почти все. Человека, не обременённого семьей, проблемами с законом или бандитами. Человека, отпечатков которого нет в базе данных. Документы, с которыми можно жить, не скрываясь, в любой точке мира.

На Горской продают не только фуфловые документы, но и кое-что действительно полезное».

***

– Мне нужны базы онкологических отделений города с полной информацией о пациентах, – обратился Сергей к мужику с тяжёлым взглядом и северо-кавказским акцентом.

– Такие базы у меня есть, – ответил мужик. – Но стоят они, сам понимаешь... Денег они стоят, короче.

Видимо Серега не очень походил на человека, готового выложить кругленькую сумму.

– Так ты покажи, а насчёт моих денег, сам понимаешь... – передразнил мужика Сергей. – Не стоит сомневаться, короче.

Мужик предложил Сергею отойти к стоящей у магазина с автозапчастьями машине.

– Мертаг, покажи этому человеку базу онкобольных, – приказал мужик сидящему в машине молодому парню.

– Садись, дорогой, – сверкнув золотыми коронками, показал парень на заднее сиденье вишнёвой девятки. – Старые люди говорят, что в ногах правды нет.

Парень достал из портфеля два тома сшитых листов с историями болезней, фамилиями врачей и прочей типичной для таких случаев информации.

– Смотри, – протянул он бумаги Сергею. – Здесь всё, что есть за этот год. А если нужны бумаги за предыдущие года, то это будет стоить дороже. Но сразу тебе говорю, что это копии, чтобы потом вопросов не было.

– Да нет, спасибо, Мертаг, мне как раз это и нужно. Сколько с меня?

– Надо же! – удивился Мертаг. – Даже имя мое запомнил. Эта база обойдётся тебе в пятьсот зелёных. Есть у тебя такие деньги?

Сергей вынул из кармана куртки пачку стодолларовых купюр и отсчитал Мертагу пятьсот долларов.

– С тобой приятно иметь дело, дорогой, даже не торгуешься, а мог бы, – усмехнулся Мертаг, пряча в бардачок доллары. – Может, тебе ещё чего нужно, скажи, достанем.

– Нет, это всё.

Сергей вышел из машины и, смешавшись с толпой, нырнул в подворотню. Походив ещё с полчаса и не обнаружив слежки, Сергей сел в автобус и уехал на правый берег, в центр.

***

Сергей листал купленную базу и отмечал карандашом фамилии одиноких, примерно одного с ним возраста пациентов, которых в итоге набралось двенадцать человек. Из этих двенадцати хотя бы отдаленно похожими на него были трое. А из троих самым безнадежным больным был один – Смирнов Алексей Илларионович. Из истории болезни явствовало, что тараканы у Алексея Илларионовича в голове водились ещё те.

***

Копия истории болезни Алексея Илларионовича Смирнова была из находящейся в Искитиме частной клиники гипертермии, которой руководил академик Сумернев. Разработанная академиком Сумерневым методика позволяла нагревать пациента под общим наркозом в специальной ванне до температуры примерно сорок шесть градусов, что гарантировало блокировку появления метастаз и при регулярных процедурах продляло жизнь пациентов на десятилетия.

Смирнов продал свою квартиру в столице и перебрался в Новосибирск, чтобы быть поближе к клинике и не пропускать положенные процедуры.

И все было бы хорошо, если бы любитель горного туризма пациент Алексей Илларионович Смирнов, уйдя однажды в горы, не почувствовал себя лучше и на время не прекратил посещение процедур. В результате состояние пациента стало критическим, и теперь ему оставалось жить месяц, от силы полтора. Адрес пациента прилагался, и Сергей поехал знакомиться.

***

На звонок дверь открыл жизнерадостный человек с искринкой в глазах и, не спрашивая, что от него нужно незнакомому ему человеку, сразу же повёл Сергея на кухню.

– Проходи. Проходи, присаживайся и давай пить чай.

– Здравствуйте, Алексей Илларионович, я... – сделал попытку Сергей объяснить цель своего визита.

– Сначала чай с пирогом, который я сам приготовил только что. Как знал. А потом разговоры, знакомство и все остальное, – перебил его Алексей Илларионович.

Сергей даже засомневался, а туда ли он зашёл?

– Я в последнее время всегда такой гостеприимный, – словно прочитал его мысли Алексей Илларионович. – Да только не ходит ко мне никто. Вот ты первый и попался. А мне, знаешь, выговориться нужно позарез. Можно сказать, исповедаться, душу излить, а некому. Так что, сиди и слушай, раз уж пришёл.

– Да, я... – снова попытался вставить в монолог Алексея Илларионовича слово Сергей.

– Что ты всю дорогу я да я, – вновь перебил его Смирнов. – Ты успеешь ещё сказать всё, что хочешь, а вот у меня времени в обрез.

Я вот что задумал. Не хочу закончить свою жизнь в душной квартире. Не желаю. И в клинике не хочу. Как в гробу, ей Богу. Четыре стенки, дно и крышка, – топнул ногой Алексей Илларионович и тыкнул в потолок пальцем. – Хочу умереть на просторе, на высоте, что бы под ногами земля, а над головой небо. Чтобы душа о стены не билась. Пойдёшь со мной? Что, испугался? А я ведь не шучу, и из ума ещё, Слава Богу, не выжил. Так пойдёшь со мной на простор, в горы или нет?

– Пойду, – неожиданно для себя согласился с предложением Алексея Илларионовича Сергей.

– Да шучу я, – опустился на стул Смирнов. – Живи. Куда тебе со мной. У тебя своя жизнь и заботы.

– А я не шучу. Сказал, пойду, значит, пойду, – набычился Сергей.

– Ишь ты, принципиальный, – тяжело вздохнул Алексей Илларионович. – Права есть? В смысле, машину водить умеешь?

– Машину водить умею, но прав нет, – пожал плечами Сергей, вспомнив, что у него ничего не было, кроме мутного паспорта на имя Черкасова Станислава Андреевича.

– Ну и черт с тобой, – махнул рукой Смирнов. – Машину я сам поведу, а твоя задача будет лишь одна – слушать. Запоминать не обязательно, потому как я вообще могу всякую чушь нести. Но ты все равно слушай. Доедай пирог, дохлебывай чай и в дорогу. Вещи твои далеко?

– Да нет, рядом, на Красном Проспекте, – ответил ошарашенный напором Смирнова Сергей.

***

Машина у Смирнова оказалась не хухры-мухры, а самый настоящий, совсем ещё новенький джип «Чероки», в багажник которого Сергей и бросил все, что у него в этой жизни имелось – рюкзак с пятью миллионами долларов.

Горы, в которых пожелал закончить свои дни Алексей Илларионович, находились совсем рядом, в Республике Алтай.

– Всего десять часов ходу на такой-то машине, – положив в бардачок целую гору таблеток. – Чтобы не загнуться раньше времени, – прокомментировал этот медицинский склад сам Смирнов, он, не спеша, прощаясь с Новосибирском навсегда, взял курс навстречу своей мечте. Мечте, от которой у Сереги забегали по спине мурашки.

– Давай знакомиться, что ли? – протянул руку Смирнов, когда они выехали за пределы города.

– Сергей, – представился Серега, пожимая протянутую руку, но, спохватившись, поправился:

– В смысле, Стас.

– Ну, Стас, так Стас, – пожал плечами Смирнов. – Мне все равно.

***

План у Сереги был простой. Найти одинокого тяжелобольного человека, наобещать ему с три короба, увезти куда-нибудь подальше и, дождавшись, когда он загнётся, забрать у него документы и зажить его жизнью. Точнее, не его, а своей, но с его документами и историей. И жить богато, долго и счастливо в собственной вилле где-нибудь на побережье Тихого Океана.

И теперь, совершенно для него неожиданно, его план реализовывался сам собой, в лучшем виде. Тем более, что этот лох сам ему все про себя и расскажет.

***

На обочине голосовала симпатичная девочка.

– Может, возьмём, – подмигнул Сергею Алексей Илларионович. – Смотри, какая Ляля.

– Берите, если вам надо, – пожал плечами Серега. – Мне все равно.

– Ну, раз тебе все равно, значит, она не наша, – ухмыльнулся Смирнов, увеличивая скорость.

– Ты знаешь, Стас, я ведь такого в своей жизни натворил, врагу не пожелаешь. Нет, ты не думай, – поймал удивленный взгляд Сергея Смирнов. – Я никого не убивал и не грабил. Грабители и убийцы по сравнению со мной – ангелы. Вот та девчуха на трассе, она ведь очень похожа на мою первую любовь, которую я походя растоптал и предал. А она ведь меня очень любила. И верила.

– Да ладно? – искренне удивился Серега. – Вы ещё расскажите, что до сих пор переживаете по поводу своей первой любви. Ни в жизнь не поверю. Я, например, даже не помню, как звали мою первую любовь. Да и была ли она вообще, любовь эта?

– Не до сих пор, Стас, а с некоторых пор! Разница большая, понял? До определённого момента и я ничего не помнил. Вытеснил, понимаешь, из сознания, заменил какой-то хренью не нужной. И жил с этой хренью в голове и думал, что характерно, что живу правильно, как все. А потом понял, что не надо как все, надо, как твоя совесть велит. Понимаешь, твоя совесть, а не соседа по лестничной площадке или ещё кого ни попадя.

Впереди образовалась какая-то пробка, и Смирнов, глядя в зеркало заднего вида, включил аварийку, и лишь убедившись, что едущие сзади машины стали притормаживать, стал притормаживать и сам.

– На дороге нужно думать не только за себя, но и за тех, кто вокруг тебя, – объяснил он свои действия Стасу. – Может, сзади слепой дурак едет и надо ему дать время увидеть, что впереди что-то не так. Привлечь его внимание, иначе он тебя сдуру под фуру затолкает. Дураку то что, дурак, он и есть дурак, а тебе кранты.

– Может, поедим чего? – показал Смирнов на маячивший впереди банер с рекламой придорожной забегаловки. – Уже почти шесть часов в пути.

При этом Серёгино мнение Алексея Илларионовича, похоже, не интересовало от слова совсем. И, не обращая на отказ, свернул на плотно заставленную возле кафе машинами площадку.

– Да чего ты таскаешь за собой этот рюкзак? Кому он тут нужен? – покосился Смирнов на вытягивающего из багажника рюкзак Серёгу.

Серега проигнорировал замечание Смирнова и потащил рюкзак в кафе.

Глава 5

Несмотря на позднюю осень, народу в кафе почему-то было полно, и Смирнову с Серегой достался столик возле самого входа, где туда-сюда сновали люди, и место это было, мягко сказать, не презентабельным. В общем, место для лохов. Обычный небольшой столик с двумя обычными табуретками. У окна, на широком, обитом искусственной кожей диване за длинным столом утоляла голод и жажду компания развязных парней, которые, не обращая ни какого внимания на остальных посетителей кафе, обсуждали какое-то дело и громко матерились.

– Видал? – кивнул Смирнов на парней. – Вот они, хозяева нынешней жизни. И если быть честным перед собой, я даже не знаю, кем бы я сам стал, случись такая заваруха в стране во времена моей молодости.

– Я думаю, что в откровенные бандиты вы бы точно не подались, – ответил ему Серега, запивая обед яблочным соком. – Это ж обычная пехота. И пахан их, несмотря на свой авторитет, тоже пехота. А их крыша сидит в высоких кабинетах и бабло стрижёт, не чета им.

– Тут ты прав, – согласился с Серегой Смирнов. – Настоящих денег им не видать как своих ушей. И прав ты, Серега, в том, что всё, как ни крути, Москвой контролируется, и весь этот беспредел происходит тоже исключительно с позволения Москвы.

***

Засовывая рюкзак в багажник джипа, Серега краем глаза увидел, как один из бандитов вышел из кафе и, поправляя кожаную куртку, край которой зацепился за рукоять торчавшего сзади из джинсов пистолета, отправился за угол кафе.

– Я сейчас, – бросил Серега уже севшему за руль Смирнову и пошёл следом за бандитом.

В этом кафе, как оказалось, туалет был на улице, сразу за углом, в густых зарослях тальника. Но бандит, здоровый, накачанный молодой парень, наверняка из спортсменов, в загаженную деревянную постройку с болтающейся на одной петле дверью не пошёл, а отливал прямо на стенку сортира.

Серега подобрал с земли каменюгу и, подкравшись к бандиту сзади, саданул его по темечку. Бандюган от такого удара мгновенно отключился и, пробороздив носом по стене деревянного сооружения, рухнул лицом в свою же, воняющую забродившим пивом пенную лужу. Из-за задравшейся куртки на Серегу смотрела вороненая рукоять пистолета.

– Нормальный ход, – буркнул Серега, вытаскивая из-за пояса распластавшегося на пузе бандита старенький потёртый ТТ. – И обойма полная. Вот свезло, так свезло. Теперь дорога будет веселей.

– Ну, я всё, можно ехать – озарив Смирнова довольной улыбкой, бросил Серега. Теперь можно и в горы. Как там у Высоцкого? Выше гор могут быть только горы?

Смирнов надавил на газ, и машина, обгоняя редкие попутные фуры, рванула по дороге в сторону его последней мечты.

– Слушай, Стас, что ты мне все время вы да вы, давай перейдём уже на ты, что-ли, – предложил Смирнов. – Так ведь гораздо проще будет. Зови меня Лёха, и мне приятней, и тебе удобнее.

– Да мне по барабану, – пожал плечами Серега. – А ты тогда меня Серегой зови, меня так в детстве пацаны называли, а Станислав мне не нравится. Имя какое-то не наше, не родное, – соврал Серега.

– Нормальное имя – Станислав, но мне тоже пофиг. Серега так Серега, – протянул Сереге руку Лёха. – Вот и познакомились.

А я ведь, Серега, в молодости по чужим карманам шустрил. Уж и ушлый был, жуть. За один заход рублей двести поднимал. Чуйка у меня на деньги была особенная, или, может, доля моя такая. Где деньги, там и я. Меня так и прозвали – Лёха Доля.

– Сидел? – уныло спросил Серега. Похоже, весь его план со скоростью курьерского поезда летел напрямик коту под хвост. Причём коту чёрному. У судимого и отпечатки в базе ментовской имеются, а значит, зря он с этим мудаком в горы поперся, только время потерял.

– А вот представь себе, Серега, Бог миловал. Воровать воровал, а так ни разу и не попался.

«Фуфломет, – покосился на Леху Серега. – Лепит мне тут горбатого, а я и уши развесил. Какой из него щипач?»

– Ты, Серега, ствол то под сиденье засунь и рюкзак с бабками тоже под заднее сиденье спрячь. А то ведь неровен час, менты обшмонают. Сильно шмонать нас не за что, но по карманам пошарят и в багажник нос сунут, – ошаршил Серегу Лёха.

– Чего пялишься? Я ведь тебе сказал, что чуйка у меня на деньги, где деньги, там и я. Или наоборот, где я, там и деньги. А ты не поверил, что ли? – Лёха прибавил газу и обогнал какой-то старенький иностранного производства микроавтобус.

– Ты, между прочим, ведь не так просто ко мне пришёл. Ты думал, что это ты сам так решил. А тебя бабки в твоём рюкзаке ко мне привели. Ну, ничего, поймёшь ещё, что к чему. А мне эти деньги незачем, – предупредил Лёха начинающее подниматься в Серегинной груди беспокойство. – Не трону я ни их, ни тебя. На что они мне?

А Серега, между прочим, напрягся. Видеть деньги Смирнов не мог, это точно. Насчёт ствола, тут бабка на двое сказала. Смирнов мог тоже торчащий из-за пояса у парня пистолет видеть и просто сложить дважды два. Но ухо с этим Лехой нужно держать остро и не расслабляться. Серега на всякий случай оглянулся и проверил, нет ли за ними хвоста.

– Ну так что, останавливаемся? Деньги то будешь прятать или нет? – спросил Лёха, не отрываясь от дороги.

– Тормози, – сказал Серега. – Заодно и отольём.

Лёха снизил скорость и, вырвав на обочину, остановился и вышел из машины. Серега достал из багажника рюкзак, сунул его под заднее сиденье и направил на Леху ствол ТТ.

– Откуда про деньги в рюкзаке узнал? – спросил Серега. – Ты лучше не темни, на трассе сейчас пусто, закопаю тебя тут в лесочке по-тихому и дальше поеду, но уже один.

– У тебя же прав нет, – ухмыльнулся Лёха. – На чужой тачке, без прав и с мешком денег. Далеко ли ты уедешь? Назад на этой машине нельзя, там сейчас братва землю роет за того парня, что ты булыжником по макушке приложил. И вперёд далеко тоже нельзя. Впереди зима и граница. Здесь каждый друг друга, как облупленного знает, затеряться не получится. Все друг другу родня, включая ментов, и к тебе столько вопросов появится – не вывезешь. А насчёт денег я тебе уже всё объяснил. Хочешь верь, хочешь не верь – дело твоё! – пожал плечами Смирнов.

– Ладно, убедил, – сунул за пояс пистолет Серега. – Садись за руль, поехали.

Лёха на Серегу, похоже, совсем не обиделся и вёл себя так, как будто и не было среди них ничего.

Колеса джипа шуршали по асфальту, а Лёха снова заговорил:

– Есть у меня одна особенность, уж и не знаю, дар это или проклятие какое. Но только если я что увижу и сильно захочу это иметь, оно у меня тут же и появится. Не веришь? – посмотрел Лёха на Серегу. – А ты проверь. Возьми в руку что-нибудь и сожми в кулаке.

Серега порылся в кармане и достал из него смятую купюру, повертел её перед Лехиным носом и зажал в кулаке.

– Ну, что дальше то? – спросил Серега, глядя на свой кулак.

– А дальше, Серега, я возвращаю тебе твою денюжку, – протянул Лёха Сереге смятую купюру.

Серега разжал кулак и уставился на пустую ладонь.

– Это как это?

– Я ж говорю тебе, говорю, а ты все не веришь и не веришь, – рассмеялся Лёха. – Вот такой у меня дар. Или косяк. Тут как хочешь, так и думай. Я потому ни разу и не попался, что по карманам не лазил, а деньги ко мне прямо из кошельков в карман сами прыгали.

– Да ладно! – Серега никак не мог понять, разводит его Смирнов или нет?

«То, что он у меня смог из кулака деньги умыкнуть, тут да, было, ничего не скажешь. Причём сделал это Лёха на ходу, не отрываясь от баранки. А может гипноз? – покосился Серега с опаской на Леху. – Этого мне ещё не хватало. А что? Это то как раз всё и объясняет, и про деньги в рюкзаке, и про пистолет. Сам я ему всё и выложил, да забыл».

– Ты завязывай на мне свои фокусы отрабатывать, – нахмурился Серега. – А лучше, высади меня где-нибудь у кафе, я, пожалуй, в город вернусь. Не поеду я с тобой никуда.

– Ну, как знаешь, тебе решать, конечно, – улыбнулся Лёха. – Только вот незадача: не будет больше на этой трассе никаких кафе. Да и попуток в город тоже, пожалуй, не дождёшься. Осень, Серега, она и есть осень. В этих краях только летом туристы туда-сюда шастают, а сейчас уже не сезон. Да и доля у тебя такая – мой дар от меня принять, иначе не пришёл бы ты ко мне. А я ведь тебя только и ждал, знал, что прийти должен, вот и дождался.

– Какой ещё дар? – обреченно буркнул Серега.

– Да тот самый, что я тебе в нужном месте передать должен. Дар этот не может со мной уйти, и я, стало быть, уйти тоже не могу. А я ведь не железный, болит всё, и устал я, как загнанная лошадь, пора мне уже, Серега, под дела свои черту жирную подвести. Я ведь заметил, что мы с тобой чём-то схожи и лицом, и телом. Вернее, телом теперь уже не очень, выболело оно у меня. А лицом точно схожи. Так что, как отойду, и машину мою заберёшь, и квартиру, и имя. Ты ведь за этим ко мне шёл? А заодно и дар заберёшь.

Серега все не мог отделаться от мысли, что он всё ещё находится под каким-то хитрым гипнозом и, мотая головой, пытался скинуть с себя этот морок. Но морок не хотел его отпустить, и Серега, в конец вымотавшись, сдался.

«Да хрен с ним, пусть несёт что ни попадя, до места доедем, а там видно будет», – нашёл, наконец, Серега спасительную для себя ниточку и успокоился.

Дорога, несмотря на то, что приходилось ехать, преодолевая подъемы и спуски, всё время вела вверх, в горы. Уже давно проехали заснеженный Семинский перевал и, спустившись с него, попали из зимы, которая обосновалась на перевале, в тёплую осень. На трассе было темно и пусто, не было ни попутных, ни встречных машин, вообще никого не было.

Лёха сбавил скорость и свернул на проселочную дорогу, которая, петляя, уходила куда-то за заросшие лиственным лесом вершины гор. Проехав по проселку ещё часа три, Лёха, наконец, уткнулся бампером в какое-то строение и заглушил двигатель.

– Всё, Серега, приехали. Дальше дороги нет. Я имею в виду на машине дальше не проехать, а пешком, пожалуйста, топай и топай. Пошли в дом, переночуем, как люди, а утром своим пёхом выше в горы почапаем.

Серега вытащил из-под заднего сиденья рюкзак с деньгами и, открыв скрипучую дверь, вошёл в жилище, в котором Лёха уже зажег стоящую на столе керосиновую лампу и что-то шурудил в чугунной буржуйке.

– Щас тепло станет, дрова есть и причём листвяк, а от него, знаешь, жар какой! Ого-го! Нары, которые слева, не занимай, это мои. Я на них всегда сплю, когда в горы ухожу, – сказал Лёха. – Эту избушку я сам и построил, когда молодой ещё совсем был. Ну и туристы или охотники какие тут иногда ночуют.

Сергея достал из большой клетчатой челночной сумки, в которых торговцы на Новосибирскую барахолку по утрам товар привозят, две банки говяжьей тушёнки, шмат обильно посыпанного чёрным перцем и чесноком сала и краюху чёрного ржаного хлеба. Этот набор продуктов они купили ещё в городе по настоянию Лёхи, который сказал, что он только с таким набором в горы и ходит.

Пока Лёха возился у печки, Серега порезал сало и хлеб и открыл тушенку.

– Готово, что ли? – подошёл к столу Лёха. – Ну, тогда грех не выпить под такую-то закуску! – и поставил на стол литровую, с закатанной металлической крышкой банку. – Открывай, Серега, слезу родниковую. Да не бойся, не отравлю. Это я из заначки достал. Из-под пола, вон там, в углу. Спирт это, на маральных пантах настоящий.

Сергея открыл банку, в носшибанул запах спирта.

– Ну че ты скривился? Наливай. Стаканы вот, на столе стоят, – подвинул Сереге свой стакан Лёха. – Ну хочешь, я первый выпью.

Лёха опрокинул стакан и, выпив за один большой глоток его содержимое, отправил в рот сало.

«Ну да, выпил, – подумал Серега. – Тебе то так и так кранты, ты сейчас что угодно заглотишь и не подавишься».

– Ладно, – решился, наконец, Серега. – За светлое будущее.

И так же, как и Лёха перед этим, заглотил содержимое стакана в один присест и закусил его салом.

– А ни че так, – удивился Серега. – Хорошо пошла.

Спустя минут пять предложил опрокинуть по второй.

– А давай, нам ведь особо торопиться теперь некуда, особенно мне. А туда, – ткнул Лёха в потолок пальцем. – Говорят, опозданий не бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.